Социализм и свобода

Рудольф Роккер

В России, где так называемая диктатура пролетариата стала реальностью, стремление отдельной политической партии удержать власть сделали невозможными любые подлинно социалистические преобразования экономической жизни толкнуло страну в объятия всесокрушающего государственного капитализма. Диктатура пролетариата, которую наивные души полагают переходным этапом на пути к подлинному социализму, переросла в наши дни в ужасающий деспотизм и неоимпериализм, которые ничем не отличаются от фашистской тирании. Утверждение, что государство должно продолжать свое существование вплоть до того момента, пока общество перестанет быть разделено на враждующие классы звучит, в свете исторического опыта, как неудачная шутка. Политическая власть любого типа предполагает некоторый вид человеческого рабства, для поддержания которого она и служит. Внешне, т.е. в отношениях с другими государствами, государство должно создавать определенные искусственные противоречия чтобы оправдать свое существование, а внутри разделение общества на касты, ранги и классы, в качестве необходимого условия своего существования. Большевистская бюрократия в России, существующая якобы при диктатуре пролетариата, которая на самом деле никогда не была ничем иным, как диктатурой малой клики над пролетариатом и всем русским народом, - просто новый пример того, что в истории повторялось бессчетное количество раз. Этот новый правящий класс, который сейчас быстро перерождается в неоаристократию, отдален от огромных крестьянских и рабочих масс с такой же очевидностью, как и привилегированные касты и классы в других странах. И такое положение становится еще более невыносимым, когда деспотическое государство отказывает низшим классам в возможности возмущаться существующими условиями, так что протестуя они рискуют своей жизнью. Но даже гораздо более высокий уровень экономического равенства, чем то, которое существует в России, не гарантировало бы отсутствия политического и социального угнетения. Само по себе экономическое равенство не суть свобода. Как раз этого ни одна школа авторитарных социалистов никогда не понимала. В тюрьме, в монастыре или в бараках можно обнаружить довольно высокий уровень экономического равенства: все обеспечены одинаковым жильем, одинаковой пищей, одинаковой одеждой, и получают одинаковые задания. В государствах инков (нынешнее Перу) и иезуитское в Парагвае превратили экономическое равенство

всех обитателей в прочную систему, и несмотря на это в них царил откровеннейший деспотизм, и человек был не более чем автоматом, подчиняющимся высшей воле, на решения которой он не имел ни малейшего влияния. Прудон в своей работе «Социализм» небезосновательно заметил, что без свободы социализм - худшая форма рабства. Призыв к социальной справедливости может принести нужные плоды, только если он вырастает из ощущения свободы и ответственности отдельного человека, если он основывается на них. Другими словами, социализм неотделим от свободы; в противном случае это не социализм. В признании этого лежат глубокие и основательные доводы в пользу анархизма. Анархизм - это вовсе не запатентованное решение всех проблем человечества, не утопически совершенный общественный порядок (часто о нем говорят именно так), поскольку его принцип - отвержение любых абсолютных схем и концепций. Он верит не в существование какой-либо абсолютной истины или какой-нибудь конечной цели развития человечества, а в способность неограниченного совершенствования социальных форм и условий существования человека, которые всегда стремятся к более возвышенным формам выражения, и которые по этой причине невозможно определить какими-то точными терминами или поставить твердую цель. Величайшее зло власти любого типа - то, что она всегда пытается подогнать все богатое многообразие форм общественной жизни под какие-то неизменяемые формы и согласовать с определенными нормами. Чем более сильными чувствуют себя приверженцы власти, тем успешнее и полнее ставят они на службу себе все сферы общественной жизни, тем более калечащим становится их влияние на созидательные силы общества, тем более разрушительно отражается оно на интеллектуальном и социальном развитии власти; это - страшное предзнаменование для наших дней, ибо оно показывает с ужасающей отчетливостью, до какой степени чудовищности может развиться Левиафан Гоббса. Это полнейший триумф политической машины над духом и телом, подчинение человеческой мысли, чувства и поведения правилам, установленными чиновниками и, следовательно, - крах всей интеллектуальной культуры. Там, где влияние политической власти на созидательные силы общества сведено к минимуму, культура процветает, ибо политическое управление всегда стремится к единообразию и старается подчинить все сферы общественной жизни под свой контролю. И здесь оно оказывается в неизбежных противоречиях с созидательными усилиями культурного развития, которое находится в вечном поиске новых форм и сфер общественной деятельности, и для которого свобода выражения, многогранность и постоянное изменение явлений настолько же жизненно необходимы, насколько закосневшие формы, мертвые правила и силовое подавление идей необходимы для сохранения политической власти. Любое великолепное произведение возбуждает стремление к полнейшему совершенствованию и глубочайшему вдохновению каждая новая форма становится вестником новых возможностей развития. Но власть всегда пытается оставить все на своих местах, надежно привязанным к стереотипам. Именно это было причиной всех революций в истории. Влияние власти всегда разрушительно, проявления общественной жизни она стремится одеть в смирительную рубашку своих правил. Ее интеллектуальное выражение - мертвые догмы, физическая форма - грубая сила. И эта безрассудность целей отмечает своим клеймом и всех ее представителей, и зачастую представляет их неумными и жестокими, даже в том случае, если от природы они одарены

немыслимыми талантами. Тот, кто всегда старается сделать так, чтобы все в мире подчинялось механическому порядку, сам в конце концов становится машиной и теряет все человеческие чувства. Именно из понимания этого зародился современный анархизм, и отсюда же черпает он нравственные силы. Только свобода может вдохновить человека на великие поступки и вызвать перемены в мышлении и в обществе. Искусство правящих кругов никогда не вдохновляло их на преобразование их жизни и не учило их этому. В распоряжении у грубого принуждения есть только лишенная жизни муштра, которая живую инициативу при ее рождении, и порождает подданных, а не свободных людей. Свобода есть сама сущность жизни, побудительная сила всякого интеллектуального и социального развития, создатель любых новых перспектив в развитии человечества. Освобождение человека от экономической эксплуатации, так же как и от духовного, социального и политического угнетения, что находит высшую форму своего выражения в философии анархизма, есть первая предпосылка для развития более высокой социальной культуры и нового человечества.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Рудольф Роккер
Социализм и свобода

Скопировано 23 декабря 2014 года с https://vk.com/anarcholibrary

ru.theanarchistlibrary.org